

Провинциалка

киноповесть

АНТОНИНА ГОЛУШКО

В Краевой, Владивостокской больнице неожиданно между мед сестрой и пациентом — москвичом студентом-стройотрядовцем вспыхнуло романтическое чувство. Таня понимает, что в больнице он долго не залежится, уедет в свою столицу, и забудет ее. Она надеется хотя бы на его звонки. Неожиданно из Москвы приходит ей приглашение от Вадима, приехать к нему и стать его женой. Девушка, рискуя всем, отправляется в неизвестность. Мать Вадима невлюбила нищую провинциалку и объявила ей войну.

Кто выйдет из нее победителем, и выйдет ли?

Антонина Глушко

Провинциалка

киноповесть

*Раскаиваться
хорошо, но не делать зла
еще лучше.*

Г. Флобер

ПРОЛОГ

События 1986 года

Виктора Николаевича Рогова советского дипломата в Южной Корее разбудил резкий телефонный звонок. Часы показывали глубокую полночь — без двадцати минут три. Кто мог звонить в такую пору?

Ночь обостряет и усиливает звуки, особенно поздние, а неожиданные телефонные звонки вселяют в человека тревогу и страх. Пока Виктор шел к кабинету телефон надрывался от крика.

— Рогов у телефона, — назвался он, собираясь услышать от дежурного по дипломатическому корпусу, о какой-либо ерунде

типа: из Москвы пришла директива с...

— Виктор! Виктор! Я пропал! Спаси, умоляю!
Срочно приходи!

Услышал он знакомый голос атташе Мешкова Валентина Егоровича, своего соотечественника, с которым был в дружеских отношениях. Кроме него у Виктора никого не было в посольстве, с кем можно было откровенно поболтать на родном языке.

Ему до чертиков надоели «тиу-хуа-цинъ-минъ» — опостылевшее корейское чириканье. Хотя чистенькая ухоженная страна нравилась ему, с ее трудолюбивым и честным народом. Однако, ностальгия о родине невыносимо мучила Рогова. А когда уже становилось нестерпимо трудно, шел к Мешкову, и за бутылкой вина отводил душу, болтая на родном языке.

Конечно, есть и другие соотечественники, однако лишь с этим растяпой, Виктор мог полностью расслабиться не боясь, что его подставят либо донесут. Мешков прочно сидел у него на крепком крючке, срывание с которого для того было смерти подобно. А виноват в этом был сам Мешков с его неутомимой страстью к женскому полу.

Ладно бы к нормальным женщинам, ну завел бы тихую любовницу и помалкивал себе, так нет же: у него высокие моральные семейные устои. Не

может, видите ли, изменять собственной жене. Встречаясь с проститутками или просто со случайными распутными особами, считал это не изменой, а легкой шалостью.

И Виктор, и Мешков уже второй год находятся на дипломатической службе в Южной Корее, а вот их семьи живут в Советском Союзе. У Виктора — во Владивостоке, по случаю лечения жены от бесплодия. Порок супруги Рогов тщательно скрывает, во всем обвиняя себя в причине ее болезненного состояния.

Работая на высоких партийных должностях, считал, появление ребенка в семье может стать помехой карьерному росту. Он просто не разрешил жене родить, когда у той наметилась беременность, а принудил к аборту. После операции у нее, как сказали врачи, детей больше не будет.

Та на почве страшного известия теперь постоянно изводит его упреками, надо отдать ей должное — справедливыми. По этой же причине жена и не поехала с ним за границу, а осталась на родине, прикладывая тщетные усилия по лечению бесплодия, просяживая дипломатическую зарплату мужа.

Работая учительницей младших классов, женщина жестоко страдала, глядя на чужих детей. С ней все чаще стали происходить нервные припадки, переходящие в неуправляемые истерики.

Муж с трудом уговорил ее оставить работу. Рогов готов был на все, только бы угодить супруге, горько осознавая свою непростительную вину перед ней.

Теперь ему и самому до зубовного скрежета хочется иметь в семье собственных детей. Однако Господь покарал человека за надругательство, совершенное им над собственной женой, что привело здоровую молодую женщину, некогда способную нарожать кучу ребятишек, к пустоцветению.

У Мешкова другая причина отсутствия рядом с ним его семьи: в Москве у него отличная четырехкомнатная квартира в центре города, жена — коренная москвичка, мать двоих детей, не пожелала отправляться вслед за супругом. Талантливая профессиональная пианистка, не рискнула оставлять работу в театре музыкальной комедии, из-за сомнительной службы мужа у голопузых китайцев, как называет женщина всех азиатов.

— Мы поболтаемся — поболтаемся там, да и заявимся обратно в Москву. А что будет с нашей квартирой? Что будет с моей работой? С обучением детей в школе? Знаешь, Мешков, — так небрежно называла она своего супруга, отлично зная его лучше, нежели он сам себя, и все его закидоны, — времена жен декабристов давно канули в прошлое, остались лишь прагматичные советские

женщины, — заканчивала она, уже смеясь, стараясь смягчить свою железобетонную логику.

Здорово рассуждала дальновидная женщина и, как показало время, оказалась права. Так и живут соломенными бобылями два дипломатических советских представителя в чужой, далекой стране.

— Виктор, спаси, все, я пропал! Никто мне не поможет кроме тебя! — услышал он вопли Мешкова, после того, как снял телефонную трубку.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени?! — не на шутку рассердился Рогов. — У тебя что пожар?

— Хуже! Хуже! Приди, умоляю!

Коллеги жили в одном корпусе дипломатической резиденции. Это огромное, немного мрачноватое сооружение, с элементами восточных пагод, а вот внутреннее обустройство соответствовала всем европейским стандартам. Здесь жили кроме советских, дипломаты других стран, аккредитованных в Южной Корее.

Чтобы попасть в нужные апартаменты, вовсе не обязательно выходить из здания, для этого достаточно пройти вдоль длинных коридоров, чтобы оказаться в нужном месте.

— Не можешь потерпеть до утра? — упрямылся сослуживец. Виктору так не хотелось покидать уютную постель. Хотелось еще поспать, вчера пришлось допоздна задержаться на службе с представителем военного ведомства Кореи по

поводу непрекращающихся провокаций со стороны беспокойного Северного соседа, а тот, как известно, является дружественной страной Советскому Союзу. Прямо таки, едва не целуются от любви друг к другу, с иронией ухмыльнулся Виктор Николаевич.

Стоя у телефона, он разговаривал с закрытыми глазами, старался не прерывать сонное состояние.

— Витечка, миленький, приходи! — Рогову послышались слезные всхлипы Мешкова.

«Добегался, debil. Видать действительно припекло придурка, коль заголосил навзрыд, — теперь всерьез забеспокоился он за нерадивого коллегу. — Что на сей раз, отмочил этот гулена?».

— Иду, — с неохотой проговорил Виктор и положил трубку.

Деяния коллеги отлично известны дипломату Рогову: пьянство в рабочем кабинете, загулы в замызганном борделе, где в полном смысле его раздевали до трусов. Виктору приходилось на собственном автомобиле с тонированными стеклами тайно доставлять гуляку к себе в номер, грязного, едва шевелившего языком, отмывать и приводить в норму.

Проступков предостаточно, многих и разнообразных, которые не служили украшением советского диппредставителя в чужой стране.

Удивительно, но похождения Мешкова, кроме Рогова, каким-то образом оставались тайной для окружающих.

Хотя здесь не было никакой тайны, едва попав в переделку, он тут же навешивал свои проблемы на Рогова. Тому, будучи дипломатом, а значит рангом выше Мешкова, поневоле приходилось подчищать допущенные ляпы нерадивым соотечественником. За моральный облик подчиненного в первую голову спросят с него.

И полетят они без оглядки в горячо любимый Советский Союз, который вряд ли встретит их, как доблестных сыновей.

Надо отдать должное Валентину Егоровичу, в периоды между загулами, он отлично исполнял дипломатическую миссию. Имел от руководства благодарственные поощрения и неоднократно отмечался с положительной стороны правительством Кореи.

Однако же вот такая зигзообразная судьбина у мужика в его отношениях с женским полом и взглядом на мораль. Как показывает его личностная «деятельность» исправляться и изменять своим привычкам он не собирается. Это свыше его сил.

Многое повидал Виктор в своей жизни, но представшее его взору в номере советского атташе Мешкова Валентина Егоровича могло присниться лишь в кошмарном сне: на ковре в гостиной лежала

обнаженная молодая кореянка. Ее черные прямые волосы утопали в луже крови, расплывшейся зловещим ореолом вокруг разможенной головы, образуя багровую корону.

— Что это?! — в ужасе ахнул Виктор.

— Вот! Вот! — показывал пальцем на мертвое тело, трясясь в слезной истерике, зажимая рот обеими руками заикался Мешков.

— Догулялся, козел, мать твою! — Виктор уже догадывался, что могло здесь произойти. Вокруг валялись пустые бутылки от спиртного, кожура бананов, грейпфрутов, шоколадные обертки.

— Она хотела открыть мой сейф! Понимаешь? Она шарила у меня по карманам, она искала ключи от моего сейфа! Она хотела открыть его! Она шпионка! — цепляясь за одежду Виктора, лепетал догулявшийся до ручки Казанова хренов.

— Какой сейф?! Какие тайны?! Очнись! Ты что у себя в кабинете?! Опомнись! От пьянства и загулов ты совершенно лишился разума. Она просто хотела тебя, как обычно обворовать, вот и шарила по карманам, в поисках денег. Нашел шпионку! А вот ты сам скоро действительно станешь хорошей приманкой для врагов народа и станешь шпионом, — нарисовал Виктор незавидную перспективу гулене, чем напугал того до смерти.

— Ты что, Виктор! Какой из меня шпион?! Ты же меня знаешь! — заблеял преступник, покаянно бия себя в грудь — Все, все завязываю навсегда с этими продажными тварями! — Выставив ладони рук перед собой, словно отбиваясь от чего-то невидимого и отрицательно мотая головой, зарекался Мешков. — Только помоги мне, Витенька, миленький, что мне делать?! Ведь я убил человека, хотя и проститутку, но мне светит вышка. О-о-о! — завыл советский атташе, обхватив голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Хватит передо мной разыгрывать представление кающегося грешника. Надо было раньше думать, когда поднимал на человека орудие убийства. Бери бумагу и ручку, садись за стол и пиши, как было дело.

Мешков с ужасом уставился на Виктора.

— Нет, нет! Повинную писать не буду, лучше сам застрелюсь, — замахал руками стервец, пятясь от Рогова, с побелевшим, перекошенным от ужаса лицом.

— Повинная здесь не поможет, тебя все равно расстреляют, — «утешил» убийцу коллега. — Ты МНЕ напишешь признание в убийстве девушки. Я сам буду тебя удерживать от глупостей. Как только устроишь очередной загул, твое признание тут же будет положено на стол представителю КГБ.

При упоминании грозного комитета, Мешков

едва не рухнул в обморок. Одно лишь это слово наводило смертельный ужас, и тут же вырисовывались необозримые заснеженные сибирские лесосеки, это в лучшем случае, в худшем — на лбу начертанный зеленкой крест.

— Я согласен! Я согласен! Только помоги! Ты же меня знаешь, я вовсе никакой-то там убийца. Ведь мы много лет... Витя, ты ведь мне поможешь? — заискивающе, протягивая руки к своему предполагаемому спасителю, лепетал гулена. На Мешкова отвратительно было смотреть. Залитое слезами посеревшее от страха лицо, трясущиеся губы, кающийся взгляд побитой собаки.

— Напишу, все тебе напишу, только помоги избавиться от этого кошмара! Он стал лихорадочно рыться на письменном столе в поисках бумаги и ручки.

— Обязательно укажи, чем ты прихлопнул девушку. Не вздумай городить забор относительно шпионства. Так прямо и напиши: привел, мол, проститутку в номер и убил ее по собственному желанию.

— Но у меня не было такого желания, — стал, было слабо протестовать убийца на «несправедливость» обвинения со стороны дознавателя. — И не сразу я ее убил. С твоих слов складывается впечатление, будто я какой-то

маньяк-убийца, тем и занимаюсь, что привожу девушек к себе с единственной целью убивать. — Заступился несчастный за свою личность.

— Лирику оставь при себе. Она тебе пригодится, при написании мемуаров для своих детей.

— О, Господи, мои дети! Позор, какой позор, я навлек на их святые головки! Несмываемое родовое пятно! Простите, детки, своего грешного отца, если можете! — заламывая руки, причитал кающийся преступник.

— Довольно театра! Пиши! — прищипнул на него Рогов.

Бумага под диктовку была составлена, с указанием места и времени происшествия, орудия убийства, способа избавления от трупа, и с полными паспортными данными Мешкова.

— Виктор, а что мне делать вот с этим? — Валентин Егорович робко указал пальцем на то, что сейчас лежало не только на ковре, но и на его грешной душе.

— Как что? Делай так, как ты написал в «признании». Я тебе все подробно продиктовал: что и как. Это сейчас уже твои проблемы. Сумел убить, умей избавиться от трупа. — Виктор равнодушно положил сложенный в четверо листок с признанием в боковой карман пиджака, и добавил: — вот так.

— Как это вот так?! Я для чего тебя позвал?!

Только за тем, чтобы написать признание? Вот это друг, называется! — стал возмущаться Мешков такой несправедливостью, на его взгляд со стороны коллеги. Виктору уже порядком надоела вся эта бодяга с убийством.

— Повторяю в устной форме: ты относишь девушку в ванную... — начал «советник».

— Что?! Ты хочешь сказать, что я буду труп держать у себя в ванной? И действительно поступлю так, как написано в покаянии?! — ужаснулся убийца, перебив Рогова.

— У тебя есть другие варианты? Тогда действуй и не проси у меня совета. Свои советы я тебе только что продиктовал.

— Но я посчитал это просто шуткой с твоей стороны! — ахнул Мешков, до конца еще не осознавая весь ужас им содеянного.

— Какая шутка! Ну, ты артист! У тебя есть какие-то иные соображения, как избавиться от трупа? — строго спросил Виктор.

— Нет, никаких других соображений нет, — чистосердечно признался душегуб.

— Вот и действуй, желаю успеха. — Рогов, не взглянув на труп, направился к выходу, оставляя гуляку один на один с предметом его преступных вождений.

Пройдет много лет и Мешков добровольно, без принуждения расскажет о совершенном им

злодеянии со всеми подробностями человеку, перед которым станет более виновен, нежели как убийца, потому как из-за собственной трусости изломал человеческую судьбу. Расскажет все, чтобы избавиться, наконец, от мучительного чувства вины, страха, покаяться в страшном грехе, которому, как он потом поймет, ему не будет прощения. Но это будет очень и очень нескоро.

ГЛАВА 1

— Танечка, да не переживай ты за меня, моя родненькая. Все будет хорошо. Тебе, как медику известно: ничего серьезного у меня нет. Так, небольшое недомогание. Анализы мои хорошие, кровь в норме, ты же сама в этом убедилась. Не волнуйся, доченька. Вот только немножко отлежусь, и все будет хорошо, — успокаивала Анна Сергеевна Таню.

То, что свалило с ног эту женщину, называется не болезнью, а тоской, несправедливостью, нанесенной ей жизненными обстоятельствами, а если точнее, то ее собственным мужем, но об этом было известно лишь ей одной. Эту тайну она тщательно скрывала от дочери.

Таня терялась перед недугом матери. Ту словно что-то съедало изнутри. Вроде бы ее организм был в норме, никакой патологии во время

обследования выявлено не было, однако женщина продолжала таять на глазах, словно свечка.

«К бабке-ворожке, что ли сходить, как советовал мне заведующий отделением?» — цеплялась девушка за последнюю надежду вернуть здоровье своей доброй и любимой мамочке.

Врачи городской больницы, где Таня работает медсестрой после окончания Уссурийского медицинского училища, в один голос заверяют: с ее матерью все в порядке. Органы функционируют нормально, никаких отклонений в организме нет. Они теряются чем можно лечить такую пациентку.

Недуг матери Таня стала замечать еще года три назад. Собственно это и послужило тому, что она поступила учиться не в мединститут во Владивостоке, где пришлось бы обучаться не менее шести лет, а в Уссурийское медицинское училище на фельдшерское отделение, которое окончила менее чем за три года.

Девушка сейчас об этом нисколько не жалеет, она имеет возможность помогать своей мамочке, постоянно быть рядом с ней.

Вот вылечит свою родненькую и тогда не исключено, что снова сможет возобновить учебу в мединституте, теперь, правда, уже в Университете, рассуждала Таня.

Несмотря на юный возраст — ей едва исполнилось двадцать лет, девушка уже довольно

проницательный человек. А, став медиком, ее проницательность усилилась. Таня начала догадываться, материнская болезнь не телесная, а как говорят верующие люди — душевная. Она подтачивает и сжигает человека изнутри испепеляющим огнем.

Испробовав все имеющиеся лечебные средства, в том числе и «бабушку-ведунью» с ее травяными отварами, Таня поняла — лечение бессильно. Стала самостоятельно искать причину возникновения материнского недуга. Припомнился случайно, подслушанный ею родительский разговор:

— ...Аннушка, ведь ничего не изменилось. Все остается по-прежнему. Ты же сама не пожелала уехать со мной.

— Зачем этот позор мне на голову? Я что ли виновата в том, что ты сделал меня калекой?

— Я каюсь в своем грехе, и знаю, что мне нет прощения. Я тебе тысячу раз говорил, что виноват, виноват и несу этот крест, словно Иисус на Голгофу.

— Для тебя уже Голгофа достигнута и без креста, ты обрел то, чего лишил меня в свое время.

Таня тогда ничего не поняла из того разговора и не придала ему значения. После него мама стала вялой, словно со сна, а однажды случайно заметила, как та, стоя у плиты, помешивая в кастрюле

ложкой, незаметно смахивала слезы. Спрашивать у матери об их отношениях с отцом Таня не решилась.

Своих родителей она очень любила, считая их идеальной парой. Да и вообще, на взгляд Тани, у них была замечательная, благополучная семья. Единственным, отрицательным показателем благополучия была папина служба. Он редко навещался домой, но на то была веская причина, оправданная особенностью его работы. А кто сейчас живет так, как ему хочется?

Таня утром вернулась с ночного дежурства. А это значит, что сегодня она целый день будет дома. И хотя мама предлагала ей прилечь отдохнуть, однако у нее совершенно не было желания спать. У девушки было раскрепощенное настроение. И было отчего.

Во-первых, мамочка не лежала в кровати, как обычно, а одетая сидела в кресле и смотрела телевизор. Это уже отличный показатель. Значит, Таня быстро приготовит еду, и они вместе с нею позавтракают за одним столом. Во-вторых..., во-вторых.... Девушка, подошла к кухонному окну, прижала руки к груди, закрыла глаза, и счастливо рассмеялась. Ей вовсе не хотелось спать, несмотря на бессонную ночь. Но, какую! Она потрянула головой, словно отгоняла мысли, с которыми вовсе не хотелось расставаться, развернулась и принялась

за стряпню.

Ей хотелось петь! И она тихонько запела. Она была счастлива, счастлива, улучшившимся самочувствием мамочки, а еще ... Таня боялась назвать вслух то, что поселилось у нее в сердце, в душе, в ней самой.

Вадичка... Смешной забавный, а теперь она уже точно знала — любимый Вадичка, она так называет его мысленно. Вслух же произносит Вадик и никак не иначе. То есть официально. Вадик.

Неожиданный больной поступил в отделение их больницы, как раз в ее дежурство. Того пострикала медуза. Состояние пациента было очень тяжелым, он находился на грани глубокой комы. Температура зашкаливала за сорок. Тело покрылось красной сыпью и вспухло, словно его долго хлестали крапивой. Врачи суетились, боялись потерять парня. Опасались отека гортани, а это удушье. На всякий случай был вызван лор-хирург.

В случае если не подействуют капельницы и другие медикаментозные средства, пострадавшему придется вскрывать гортань. Лицо больного представляло сплошной багровый отек. Глаза не просматривались. Сам он тяжело и хрипло дышал, находясь в бессознательном состоянии. Был срочно вызван аллерголог для консультации. Взяты пробы на выявление аллергенов.

В больничном коридоре, толкалась толпа молодых людей, которые вызвали «Скорую» на пляж, что на станции Санаторная, где приключилась непонятная болезнь с их товарищем. Молодые люди страшно напуганы, они не могли понять причину случившегося.

Это были москвичи — члены студенческого, молодежного отряда направлявшиеся на рыбную путину на остров Шикотан. Два дня, отведенные им на отдых после перелета во Владивостоке, молодежь решила посвятить купанию в Тихом океане. Никто из них не знал, как опасны его теплые прибрежные воды, кишевшие «крестовиками» — ядовитыми медузами. Одной из них и был обожжен несчастный студент. Жизнь парня висела на волоске.

Четверо суток, не отходя от пострадавшего, врачи боролись за его жизнь. И выходили, спасли москвича от смерти и инвалидности.

— Как тебя звать, прелестное дитя? — к концу пятых суток, продрав заплывшие глаза, сквозь багровые отеки, прошепелявил пострадавший, онемевшими губами. — Меня зовут Таня, я ваша медсестра, лежите спокойно.

Она деловито шарилась вокруг немощного, с какими-то трубками и проводами. Поправила подушку, решительно провела руками по простыням, на которых лежал пострадавший.

Вадим, попробовав шевельнуть руками, понял — те привязаны. От одной из них куда-то вверх к пузырькам, перевернутыми пробками вниз, укрепленными на штативах, тянулись прозрачные трубки. Открылась дверь и в палате появилась пожилая женщина в зеленоватом халате.

— Евдокия Семеновна, принесите, пожалуйста, судно больному, он пришел в себя.

Вадим данную просьбу медсестры к вошедшей, по всей вероятности нянечке, проигнорировал вниманием, совершенно не соотнося ее к собственной персоне. Спустя некоторое время, на пороге вновь появилась нянечка, наперевес с предметом неизвестного назначения.

«Прелестное дитя», поправив простынь на койке больного, взяла незнакомый предмет из рук няни, и решительно направилась в его сторону. Вадим сразу понял, что такое в руках у медсестры и, осознал, что за этим последует.

— Нет! Не надо! — вдруг вполне сносным вскриком огласил он палату.

— Как не надо? Это ради вашего здоровья, вы пришли в сознание и вполне можете управлять своими действиями, — заявила опешившая Таня от решительного отпора со стороны пациента.

— Нет, не дамся! — стал тот протестующе елозить задом по койке, свободным местом на всем

его теле. Остальные части обвивались резиновыми змеями, безжалостно впившимися острыми жалами в его плоть.

— Как наш пострадавший? — появляясь в дверях, спросил, представительный мужчина в белом халате, и таком же колпаке, по всей вероятности доктор.

— Ваш лечащий врач Николай Иванович, — представила Таня вошедшего, взглянув на больного.

— Что здесь происходит? — спросил Николай Иванович, приближаясь к койке страдальца.

Врач почувствовал в палате напряжение по лицу медсестры, растерянному виду нянечки и угрожающей позе больного, насколько это возможно было проявить в его состоянии.

— Больной отказывается пользоваться судном, — пояснила медсестра.

— В чем дело, молодой человек? В стенах лечебного учреждения необходимо строго выполнять рекомендации лечащего персонала, — «прочел» врач выдержку из больничного Устава.

— Я стесняюсь Таню, я ее полюбил, — заявил распухший больной.

— Что же протест вполне резонен и объясним, — серьезно заявил врач. — И, посмотрев в узкие щелочки глаз влюбленного, добавил: Евдокия Семеновна как раз, молодой человек,

годится вам в бабушки. А бабушку вы ведь не постесняетесь? Вот и ладушки, — сказал врач, вставая со стула, на котором только что сидел возле койки стеснительного больного, при этом одобрительно похлопал по его привязанной руке.

Врач вместе с медсестрой, еще раз оглянувшись на протестанта, покинули палату, оставив его наедине с пожилой Евдокией Семеновной.

Таня тихонько засмеялась, вспомнив эту смешную сценку с Вадиком. Она разложила по тарелкам приготовленную еду, поставила ее на переносной деревянный столик и отправилась в комнату к мамочке. Не нарушив ее интереса к передаче, пусть наслаждается вкусным завтраком и смешным фильмом.

Дежурства в больнице для девушки превратились в радость. Там Вадик. Там она может быть с ним столько сколько захочет. Заступив на следующее дежурство, Таня отметила заметные изменения во внешности больного в сторону улучшения. Он оказывается мало того, что добрейший оптимист и необычный пациент, но и непревзойденный остроумный юморист. Проводя лечебные процедуры, девушка не могла сдерживаться от его смешных приколов. Смеялась от души.

— Танечка, как вы поняли, я вас полюбил, —

серьезным тоном констатировал Вадик, как само собой разумеющееся, лишь только та вошла в палату, заступив на смену. — Думаю, что нам по этому случаю следует перейти на «ты». Вы не возражаете?

— Не возражаю, — смеясь, сказала Таня, принимая, предложенную им игру.

Занимаясь налаживанием физиоприборов у его изголовья, с удовольствием слушала его прикольные признания в любви, и была бы совсем не против, услышать их всерьез.

Она, стыдно сказать, влюбилась в своего распухшего больного. Ну и пусть, что он распухший, некрасивый, она все равно полюбила б его любого... нет, она уже любит его.

— Танечка, когда меня переведут из утиной палаты в цивилизованную? — на полном серьезе, спросил тот сестру.

— Что вы сказали? Из какой палаты? — опешила девушка, не поняв о чем речь.

— Ну, как же? Евдокия Семеновна, наша нянечка, надо отдать должное ей, добрейший души человек, появляясь в палате с интимным предметом, всегда говорит: «прилетела уточка» в свою палаточку.

Таня не выдержав, от души расхохоталась над очередным Вадиковым приколом.

Его скоро выпишут из больницы. Об этом она

прекрасно знала, как никто другой. Парень на глазах возвращался к жизни. Таня сильно печалилась этому. Ей казалось, с исчезновением пациента из «утиной» палаты, как теперь она сама мысленно ее называла, обстановка в отделении станет для нее серой, безликой, тоскливой. С уходом Вадика из ее жизни исчезнет все: работа, город, друзья, море, небо.

Она боялась стать подобно своей мамочке: грустной, немощной, безразличной ко всему на свете. Теперь ей стала понятна ее болезнь. Тоска по невозможному, съедает человека изнутри, оставляя лишь видимую оболочку, кажущуюся здоровой. «Съест она и меня. Невозможно, чтобы Вадик вечно лежал в «утиной» палате», — начала страдать Таня.

Все у нее противилось разлуке с ним. Ей самой хотелось закричать: не уезжай, я умру, без тебя! Но крики не помогут, как не помогли они, видать, и ее мамочке. Что-то у них не сладилось с отцом. Теперь она молча страдает, сгорая в своих несбывшихся надеждах. Сохраняя авторитет отца в глазах дочери, мамочка не решилась раскрыть перед ней истинную причину своего недуга, опасаясь поколебать дочернюю к нему любовь.

«Вот и причина болезни моей Анны Сергеевны, — с грустным сарказмом сделала она вывод. — Я скоро сама стану подобной ей».

В больнице Вадим «пролежал» почти месяц. Поездка на Шикотан для него провалилась. Правда, утешало то, что ребята, спустя две недели вернулись назад. Там оказывается в этот сезон, рыбный косяк повернул не в ту сторону, и комбинаты остались без сырья. Денег от рыбкопа не получили никаких, однако на материк обратная дорога на теплоходе все же была оплачена.

Студенты, посетили пострадавшего товарища в больнице, посоветовались между собой, и решили пойти на соглашение с местной властью поработать на строительстве птицефабрики в пригороде Владивостока. Подсчитали свои возможности, сложность и объем работ, а главное заработок, и решили рискнуть, приняв предложение.

Не возвращаться же домой с пустыми карманами. Вторую неделю отряд трудится на молодежной стройке, работает с огоньком, видать по всему парни заработают неплохо. Выходных не имели, навещали больного лишь по вечерам, вселяя веру в его полное выздоровление.

По просьбе Вадима, позвонили его родителям в Москву, а чтобы не пугать тех, придумали легенду: с рыбными косяками ничего не вышло, следовательно там полный облом, попросили выслать сыну денег на хозяйственные расходы, пока тот не получит зарплату на молодежной стройке, где доблестно трудится наравне со всеми.

Звонят они, дескать, по его просьбе, тот отправился за стройматериалами в соседний район. О больнице не было сказано ни единого слова.

Родителей не очень-то огорчило, что сыну не удалось на Дальнем Востоке огрести кучу денег, они с самого начала были категорически против его поездки на край земли, но не стали перечить своевольному сыну. Не решились отнимать самостоятельность. С радостью выслали деньги, попавшему в цейтнот отпрыску, чтобы потом, при встрече высказать ему: «Старших надо слушать, мы тебе говорили, чего надо было мчаться куда-то к черту на кулички, а ты, сделал по-своему, и вот как оно вышло». Это будет им елеем на душу, особенно маман, которая считает себя всегда правой в своих воспитательных методах по отношению к сыну.

Для Тани, как-то вдруг неожиданно выписали Вадика из больницы, да еще и не в ее смену. Придя на дежурство, обнаружила лишь чисто заправленную больничную койку в «утиной» палате. «Не попрощался, не сказал даже «до свидания». Посчитал, видать, что это ни к чему».

Слезы обиды и еще чего-то застилали глаза, когда она автоматически выполняла свои сестринские обязанности: выслушивала жалобы больных, претензии родственников, вечно толкущихся в палатах, коридорах и на лестничных площадках, проводила медицинские процедуры.

Она, конечно, знала, что его отношение к ней это всего лишь шутка.

Просто парню было скучно лежать в палате, вот он и развлекался, говоря, что любит ее. А ведь ей так хотелось, чтобы это было на самом деле. Чтобы он действительно полюбил ее. Она же любит его по настоящему!

Однако любовь любовью, а заботы о матери на первом плане. Едва дождавшись конца смены, переделась и помчалась домой. У мамочки вновь ухудшилось самочувствие. Уходила на дежурство с камнем на сердце. Ну, как можно оставлять ее одну?

— Не беспокойся, доченька, иди на дежурство. Я полежу-полежу, да и встану. Просто видать сегодня погода такая. Видишь, как низко ползут облака? — глядя в сторону окна грустными глазами, успокаивала она дочь.

Таня заранее готовила маме обед в термосках, чтобы та не утруждала себя его подогревом. Специально ставила телефон рядом с ее кроватью, и по несколько раз за смену, беспокоясь, звонила той, спрашивала: поела ли она, как себя чувствует, смотрит ли телевизор? И если получала от родительницы положительные ответы, успокаивалась. Однако, в ее сердце постоянно жила тревога. Ноет оно за маму, а теперь еще и, за покинувшего ее, Вадика.

Сбежав по широкой лестнице больничного коридора, толкнула тяжелую парадную дверь и шагнула за порог. В лицо сразу шарахнул холодный, словно осенний ветер. И не мудрено.

В городе хозяйничал капризный своевольный август. Месяц был непредсказуемым в своих действиях: мог по настроению принести ураганные тайфуны, с ветрами и проливными ливнями, или напротив, тропическую жару. Сегодня, видать встал не с той ноги: пригнал низкие холодные тучи с северных районов, начисто заслонил ими солнце.

Летний день загрузил от подобной наглости, недовольно нахмурился и, укутавшись в тяжелые, серые облака, рваными лохмотьями потянулся в сторону Гнилого Угла, цепляясь за вершины сопок.

«День под стать моему настроению», — подумала Таня, запахивая полы плаща и, изготовившись, было рвануть в сторону автобусной остановки, как вдруг почувствовала на себе, крепкие руки, обхватившие ее сзади, и прижатую холодную колючую щеку к своему уху, услышав, такой знакомый, такой родной голос:

— Наконец-то я дождался тебя, просто закоченел весь.

Таня остолбенела, не поверила, явившейся вдруг сказке наяву.

Она на миг замерла, закрыла глаза, боясь шевельнуться, чтобы не спугнуть счастье увидеть

любимого. Да, да любимого! Одного единственного на всем белом свете, лучше которого нет на всей земле!

— Я тебя напугал? — поворачивая, к себе девушку, удивленно спросил Вадик, а что это был именно он, Таня уже не сомневалась и, открыв глаза, действительно увидела перед собою самого дорогого, самого родного, самого желанного для нее человека: ее замечательного доброго любимого Вадечку.

Что говорила, что он спрашивал, что отвечала на его вопросы, Таня совершенно не помнит. Ее захватило единственное чувство: Вадик пришел к ней! Вадик рядом. Вот он, вот его теплые руки сжимают ее плечи, прижимают ее голову к себе. Она ощутила, как от него исходит незнакомый для нее запах, чего-то синтетического, горьковатого, терпкого и почему-то, запаха пчелиного воска. Все ее естество мгновенно схватило это, и признало любимого. Теперь эти запахи навсегда поселятся в ней, они будут принадлежать только ему, ее Вадечки.

Отныне, для нее даже один из них, будет напоминанием сегодняшнего серого, неприветливого, с холодным ветром дня, ставшим для нее самым светлым, самым теплым, и самым радостным в ее жизни событием.

— Танечка, — по-прежнему, обнимая

девушку за плечи, и прижимая ее к себе, идя с нею рядом, обратился к ней молодой человек. — Через два дня мы улетаем в Москву. — Остановившись, он повернулся к ней и сказал: — я умру там, без тебя.

Таня молча всматривалась в родное лицо, не вникая в суть сказанного, лишь вслушивалась в его голос. Она еще не отошла от внезапно появившегося перед нею Вадика, ведь она уже мысленно навеки распрощалась со своей любовью.

— Танечка, смешно сказать, но я тебя действительно полюбил, — продолжал молодой человек, глядя на молчавшую девушку. — Ты меня слышишь? Я через два дня улетаю, то есть все мы, всем отрядом улетаем. Работу завтра подчищаем, осталось лишь благоустройство вокруг птичника, получаем расчет и улетаем. Билеты уже в кармане.

Он снова прижал ее к себе и, похлопывая по спине ладонью, наклонясь к ее уху прошептал:

— Танечка, ты же не забудешь меня?

Она словно проснулась. Освободившись, от нежных объятий, серьезно посмотрела молодому человеку в глаза и сказала:

— Не забуду, — и добавила: — никогда не забуду.

Теперь, когда она осознала, что Вадик все же пришел к ней проститься, не забыл ее, и пусть это прощание будет последним, однако ей стало легче.

Она получила то, о чем грезил: он сказал, что любит ее, и что будет тосковать без нее. Пусть все это выдумка, пусть сказка, но она получила то, чего так страстно желала. Ей предстоит разлука с Вадиком, однако она уже успокоилась. Реально воспринимаемая предстоящее существование без него.

— Танечка, сразу говорю: писать не буду, — «да я и не надеялась», — обречено и, смирившись со своей участью, горько подумала Таня. — Я буду тебе звонить, мое светлое солнышко, — продолжал молодой человек, не выпуская девушку из объятий. — Мне осталось совсем немного учиться. Осталось всего полгода с защитой. И тогда я независимый юрист. У меня уже есть рабочее место, где меня ожидают. Там я проходил практику и показал себя с положительной стороны, — похвастался будущий юрист.

Прошло почти восемь месяцев после встречи и прощания молодых людей у подъезда Владивостокской городской больницы. Таня по-прежнему работает в своем отделении медсестрой, только теперь она осталась одна.

Ее несчастная мамочка, словно свечка, догорев, тихо угасла. Вернувшись с дежурства, Таня, застала ее уже остывшей, хотя еще утром та отвечала на ее звонки. После обеда девушка не смогла дозвониться домой, страшно страдая за родительницу, опасаясь худшего. Последнее время

та сильно сдала и совсем ослабела. Тане приходилось иногда даже самой ее кормить с ложечки. Для страдальцы и ложка казалась неподъемной.

Продолжая названивать, она тешила себя мыслью, что та уснула и не слышит звонков. Так уже было много раз. Телефон поставлен на световые сигналы, чтобы лишний раз не беспокоить больную неожиданными звонками.

Но случилось самое страшное — мамочки не стало. Таня тут же сообщила отцу о смерти матери и, тот незамедлительно, на следующий же день прилетел, освободив дочь от скорбных хлопот.

Она осталась совсем одна, отец по-прежнему работает на чужбине, и похоже не собирается возвращаться во Владивосток. От тоски и одиночества Тане до боли захотелось услышать голос любимого Вадечки. Поплакаться ему, услышать слова утешения, сочувствия. Вот только сама не решалась звонить Вадиду.

Почему не решается позвонить ему, не может себе объяснить. Возможно, из-за гордости, дескать, парень должен в деликатных отношениях инициативу проявлять сам, а возможно из-за опасения, что ее звонок может оказаться там, в Москве, не вполне уместным. Печальное сообщение о кончине мамочки это не та тема, о которой можно вести разговоры с Вадиком, по

сути, с чужим человеком.

Не хотела омрачать грустью их коротенькие разговоры, большею частью ни о чем, не хотелось на него навешивать свои проблемы. Таня вообще ничего, и никогда не говорила ему о своей семье, о маме, а тем более, о ее болезни. Хотя он знал о ее существовании.

Конечно, ради приличия Вадик может спросить, что за недуг, чем лечится мама. А что она может ответить на его вопрос? От этой немощи лекарства не существует. Вылечить ее мог лишь сам виновник болезни, но, к сожалению, это было нереально.

Отец не дождавшись девяти дней, уехал, сославшись на срочность службы. Уезжая, оформил дарственную на ее имя их городской квартиры.

— Можешь ею распорядиться по своему усмотрению. Продать или обменять, она теперь полностью твоя, — заявил отец, вытаскивая пластиковую карту из портмоне. — Здесь деньги на предьявителя. Их тебе хватит вполне, чтобы продержаться год-два. Потом, коль возникнет нужда, ты всегда можешь мне позвонить, я в любое время приду к тебе на помощь, — прощаясь, сказал он, натягивая теплую куртку, во дворе стоял апрель, однако было еще довольно холодно. — Не провожай, за мной уже подъехала машина, она отвезет меня в аэропорт, — пояснил он, беря в руки

легкий дорожный кейс.

У двери обнялись. Поцеловав дочь в лоб, повернулся и шагнул за порог. Через два дня после отъезда отца, позвонил Вадик. Таня, уже немного успокоилась, и на его вопрос как живешь, рассказала о смерти мамы, после слов соболезнования, неожиданно для себя услышала:

— Танечка, я не хотел ломать твой жизненный уклад, пока рядом с тобой была твоя мама, самый родной человек. С твоим добрым сердцем, ты никогда не оставила бы ее одну, тем более больную.

«О чем это он? Неужели сейчас скажет: прости меня, но я больше звонить тебе не смогу», — похолодев, подумала она, и поняла, что как только услышит эти слова, тут же и умрет. Коротенькие редкие звонки из Москвы давали ей жизнь. Не надежду, нет. Жизнь. Она знала, что красивый обаятельный Вадик, москвич, работающий уже, как он ей сказал в престижной адвокатуре, долго не будет одиноким.

Найдет себе достойную пару. Пусть находит, соглашалась Таня, только бы не прекращал своих реденьких звонков к ней, с торопливым разговором ни о чем. Ей только бы знать, что он где-то есть, что это не выдумка, не мираж. «Я умру без тебя!» — теперь она закричит ему в трубку, как только услышит от него, что звонки их бессмысленны.

— Танечка, я так тоскую по тебе, — услышала

она вдруг совсем другое, а не то чего ожидала. — Я умираю без тебя, моя любимая, — добавил он тихо.

Таня слушала его голос, и слезы ручьями полились у нее из глаз, об умершей мамочке, от страха потерять его, оттого, что он не отказался от нее, от счастья, что слышит его голос.

— Я тебя очень люблю, — не в мотив сказала она.

— Ты плачешь, моя хорошая? Не плачь, любимая. Танечка, тебя сейчас во Владивостоке ничего не держит...

Выслушав Вадика, она положила трубку на рычаг, сцепила пальцы рук и прижала их к губам, незряче уставясь в стенку напротив. Таня не знала, что ей делать то ли продолжать лить слезы, то ли смеяться и радоваться. Она была настолько ошеломлена словами Вадика, что не в силах осознать, явь ли это, или ей все это только снится.

О том, чтобы Вадик женился на ней, об этом она, как говорится, и в мыслях не заикалась. Одного вымаливала у Бога, чтобы Вадик не отказался от своих реденьких звонков к ней, которые для нее были смыслом жизни. Хоть изредка, но только бы слышать его голос. И вдруг такая неожиданность! Вадик предложил ей приехать к нему в Москву, и стать его женой. Да не снится ли ей все это?!

«А вдруг он пошутил? Уйду с работы, продам квартиру, и останусь ни с чем и без всего. Являюсь

в Москву, а он меня даже не встретит», — начала здраво рассуждать девушка. Присев на краешек дивана, принялась обдумывать свою горькую судьбинку.

Посоветоваться было не с кем. О работе не может быть и речи, там нет никого, кому она смогла раскрыть душу и попросить совета. Задушевной подруги тоже не случилось.

Позвонить отцу? Вряд ли тот даст ей нужный совет. Таня, еще тогда, на похоронах матери, явственно почувствовала его отчужденность. Возможно, ей показалось от надуманных ею сложных его отношений с мамой, а возможно на самом деле отец, считает ее уже взрослой, и не стал проявлять сентиментальности.

Возможно...

«Допустим, я решусь позвонить ему и попрошу совета. Но что я скажу ему? Что продаю квартиру, ухожу с работы и еду в Москву выходить замуж за человека, с которым была знакома, не более месяца по случаю его болезненного полубредового состояния, и с которым даже ни разу не целовалась?

Нормальный родитель в ясном уме и твердой памяти естественно ответит лишь одно. А вот это «одно» я не стану слушать, а поступлю так, как решила, едва услышав от Вадечки: «стань моей женой».

И Таня дала себе совет сама: ЕХАТЬ.

Пусть обманет, пусть не женится, пусть будет совсем не так, как нафантазировала, все равно поедет. Там Вадик и она его увидит. Ради этого стоит все бросить и мчаться за тысячи верст. Встряхнув головой от твердо принятого ею решения, она приободрилась и кинулась к шкафам, отыскивать нужные бумаги.

Таня знала, документы хранятся в «стенке» в выдвижном ящике. Папка оказалась толстой, объемной. Она решила провести «ревизию» по избавлению от бумажного хлама, мама не выбрасывая накапливала его годами. Чтобы ускорить разборку макулатуры, вывалила содержимое папки на стол, и принялась выуживать нужные документы: на квартиру, свой паспорт, свидетельство о рождении, диплом об окончании медучилища.

В бумажном завале, на глаза попался старый пожелтевший конверт без подписи, собралась было выбросить вместе с другими ненужными бумагами, однако, заглянув в него, обнаружила фотографию молодого отца, видать фотографировался в студенческие годы.

Таня полюбовалась снимком, и снова опустила в конверт. Кроме фотографии в нем лежал свернутый вчетверо простой листок бумаги, развернула его, взглянула, читать не стала, это была

то ли расписка, то ли письмо к отцу.

Свернула листок и положила назад в конверт, вместе с фотографией, как память о своем папочке. Таня выискивала его письма к маме, но их не оказалось, а вот поздравительных открыток было множество, с нежными словами жене и дочери. Таня нашла несколько добрых отцовских посланий, поцеловала их и отложила в стопочку нужных бумаг. Ей хотелось увезти с собою память о своих родителях.

Остальные ненужные бумаги сдвинула в большой мусорный мешок. Из семейного альбома отобрала лишь родительские снимки. Фотографии с чужими, незнакомыми ей людьми, пришлось отправить, как и ненужные бумаги в мешок.

Долго смотрела на фотографию мамочки. На ней она молодая и красивая стояла где-то у моря, с поднятой в приветствии рукой. Таня задумалась. В альбоме не было ни единой их семейной фотографии. «Жаль», — загрустила девушка, и глаза ее наполнились слезами.

ГЛАВА 2

До посадки самолета в московском аэропорту Домодедово оставалось чуть менее двух часов. Что ждет Таню там, куда очертя голову бросилась она не раздумывая, словно в омут, на зов в сущности